

УДК 81

Савицкий В.М.

*Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия (г. Самара)*

ФИКСАЦИЯ НАИВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

V. Savitsky

*The Volga Region State Academy of Sociology
and Humanities, Samara*

THE REFLECTION OF COMMON KNOWLEDGE ABOUT HUMAN PSYCHOLOGY IN LANGUAGE AND CULTURE

Аннотация. Статья написана в русле когнитивистского / лингвокультурологического направления исследований и посвящена вопросу о способах фиксации наивных знаний о мире – а именно знаний из области «житейской» психологии – в языковых формах. Показано, как с помощью синтаксических конструкций, идиом, паремий фиксируется выработанное в рамках обыденного мышления представление о взаимодействии сознательной и бессознательной сфер личности. Анализ направлен на выявление механизмов выполнения кумулятивной функции языка.

Ключевые слова: кумулятивная функция языка, лингвокогнитивистика, безличная конструкция, возвратное местоимение, сознательный / бессознательный компоненты личности.

Abstract. The article, written within cognitive and cultural trends of linguistic research, concerns the ways of reflecting common knowledge about human psychology in various language forms, such as syntactic patterns, set phrases and proverbs. Interaction of the conscious and the subconscious, as presented in the language forms, is described as an example. The analysis is aimed at discovering the language mechanism of performing the cumulative function.

Key words: the cumulative function of the language, cognitive linguistics, the impersonal construction, the reflexive pronoun, the conscious, the subconscious.

В научных дискуссиях иногда высказывается «расхожая» мысль о том, что в сфере интересов теоретической психологии нет ничего такого, что ранее не получило бы отражения в постулатах так называемой *житейской* мудрости. Со скидкой на преувеличение, эту мысль, на наш взгляд, можно признать обоснованной. Если не все, то многие психологические открытия уходят корнями в глубину веков. Задолго до возникновения научной психологии люди сталкивались с необходимостью осмыслить ряд психологических явлений для того, чтобы использовать результаты этого осмысления в общественных и личных целях. Полученные из практического опыта знания фиксировались в мифологической, фольклорной, провербиальной форме и таким путём становились достоянием коллектива. Например:

– греческий миф об Эдипе предварил появление психоаналитической концепции Эдипова комплекса [4];

– религиозные учения о борьбе Бога и Дьявола за душу человека предвосхитили создание топической модели личности, в рамках которой компоненты личности – ‘Сверх-Я’ и ‘Оно’ – оказывают противоположно направленное воздействие на человеческое ‘Я’ [5];

– старинная английская пословица *A child is father to a man* (букв. «Ребёнок – отец мужчины») в образной форме отражает представление о влиянии «детского» компонента пси-

© Савицкий В.М., 2011.

хики на «взрослый», что в XX в. было научно обосновано в рамках трансактного анализа [1].

Такого рода примеров можно привести немало.

Наивно-психологические представления зафиксированы не только в текстах культуры, но и в самой системе языка. Недаром А. Франс назвал словарь «*Вселенной, расположенной в алфавитном порядке*»; в современных терминах это означает, что лексико-фразеологический фонд языка, который выполняет, в числе прочих, кумулятивную функцию, представляет собой тезаурус (< лат. *thesaurus* «сокровищница») человеческой мысли. Не только в отдельных словах, но и в идиоматических оборотах, и в грамматических конструкциях естественного языка фиксируются житейско-практические знания о психической деятельности. Например:

– слова **характер, темперамент, потребность, склонность** и т. п. (в донаучном понимании) возникли задолго до их превращения в психологические термины;

– английское слово *self-consciousness* (букв. «осознание себя»), обозначающее застенчивость, в своей внутренней форме отражает представление о застенчивости как о результате излишней **саморефлексии** (что было научно подтверждено в XX в. в рамках соответствующей психологической концепции [3]);

– идиомы *видеть кого-либо насквозь, заглянуть кому-либо (или: себе) в душу, побыть в чьей-либо шкуре, слияние души* в своей образной основе отражают такие феномены, как **интроспекция** и **эмпатия**;

– обороты *выжить из ума, сойти с ума, выйти из себя, быть вне себя*, англ. *be beside oneself* (букв. «находиться рядом с собой», перен. «быть в ярости»), *be out of one's mind* (букв. «быть вне разума», перен. «быть в иступлении»), перс. *ходра бахт'ан* (букв. «утратить себя», перен. «разгневаться»), греч. *papa noia* (букв. «около разума») указывают на постоянную или временную **потерю личностной самоидентичности** вследствие невменяемости;

– безличная морфосинтаксическая конструкция с дативом (рус. *Мне стало страшно / смешно / грустно / противно* и т. д.) отражает **непроизвольность и неконтролируемость некоторых эмоциональных состояний**.

В рамках одной работы не представляется возможным рассмотреть всё многообразие языкового материала, относящегося к затронутой теме. Обратимся лишь к одному пласту житейско-психологических знаний – к представлению о двойственном, **диалогическом строении личности**, к догадке о делении психики на сознательную и бессознательную сферы.

С давних пор люди подозревали, что, помимо сознательного 'Я', существует некое другое 'Я' (лат. *alter ego*), регулярно заявляющее о себе путём вмешательства в жизнь первого 'Я' и в определённых обстоятельствах способное перехватывать у него инициативу; в таких случаях человек оказывается, как говорят, *сам себе не хозяин*.

Без осознания этой двойственности не могла бы, в частности, возникнуть латинская пословица *Sibi imperare maximum imperium est* («Властвовать собой – наивысшая власть»). Представляя личность как однокомпонентный феномен, было бы абсурдно говорить о стремлении к власти над собой: ведь **кто-то** властвует над **кем-то**. Латинский глагол *imperare* (как и русский глагол *властвовать*) – **двухместный** предикат, предполагающий наличие **двух** аргументов: властелин (семантическая роль – «агенса») и подвластное лицо (семантическая роль – «пациенса»).

Двухкомпонентность личности отражается в употреблении этого и ряда других (см. ниже) двухместных предикатов при описании внутренней жизни субъекта. Об этом же свидетельствует тот факт, что на втором аргументном месте используется возвратное местоимение первого лица (англ. *myself*, франц. *moi-même*, рус. *я – себя* и др.).

Вместе с тем второй конституэнт личности регулярно осмысливается как 'Я' (*ego*), хотя и 'другое' (*alter*). Этот конституэнт понимается не как другая личность в пространстве психики, а как та же личность,

но в иной её ипостаси. В противном случае она обозначалась бы формами не первого, а третьего лица. Следует, правда, оговориться, что в ряде языков существует и такая форма (англ.: *I became a different man*, франц.: *Je suis devenu un autre homme*, рус.: *Я стал другим человеком*). Но это – пример из иной области: речь здесь идёт не буквально о превращении одной части личности в другую, а о глобальном изменении личности в целом, которое условно-гиперболически представлено как замена одной личности на другую. Добавим, что в ряде случаев вторая ипостась личности всё-таки осмысливается не как ‘Я’, а как ‘Оно’; такие случаи приводятся ниже при описании неопределённо-личной грамматической конструкции.

В словосочетаниях, построенных по модели глагол + возвратное местоимение, психологическая реальность отражается с позиций первого (сознательного) ‘Я’, которое выступает в них в роли «агенс» (действующее лицо) и обозначается подлежащим. Глагол при этом не употребляется в форме страдательного залога, что не позволяет представить второе ‘Я’ в роли «агенс», то есть как второе ‘Я’, действующее на первое; в таких словосочетаниях второе ‘Я’ – всегда «пациенс» (объект) или «перцептив» (адресат) воздействия. Кроме того, возвратное местоимение в них никогда не выступает в синтаксической функции подлежащего и в морфологической форме именительного падежа (*сам*), соответствующей роли «агенс». Например, можно сказать *Я преодолел себя*, но нельзя сказать **Я был преодолен собой* или **Сам преодолел меня*. Словосочетания с возвратным местоимением обозначают воздействие первого ‘Я’ на второе или отношение первого ‘Я’ ко второму. В их число входят:

– стремление поладить со своим вторым ‘Я’ (*жить в согласии с собой, тешить себя чем-либо, льстить себе, баловать себя, потакать себе* и др.);

– стремление контролировать своё второе ‘Я’ (*владеть собой, справляться с собой, заставить себя, держать себя в руках, прикрикнуть на себя, приказывать себе* и др.);

– изучение своего второго ‘Я’ (*заглянуть в себя, углубиться в себя, познать себя, хорошо себя знать, посмотреть на себя со стороны* и др.);

– чувства к своему второму ‘Я’ (*любить себя, ненавидеть себя за что-либо, восхищаться собой, презирать себя за что-либо* и др.);

– оценка своего второго ‘Я’ (*высоко себя ценить, знать себе цену, в грош себя не ставить* и др.);

– общение со своим вторым ‘Я’ (*беседовать с собой, быть наедине с собой, прислушиваться к себе, убеждать себя* и др.);

– единение либо разъединение со своим вторым ‘Я’ (*быть самим собой, найти себя в чем-либо, терять себя, изменить себе, быть в разладе с собой, сам не свой* и др.).

Исключением служит пушкинская фраза «*Ты, Моцарт, недостойн сам себя*»: ею оценивается первое ‘Я’ Моцарта (по мнению Сальери, ничтожное) по сравнению с его вторым ‘Я’ (великим). В остальных обнаруженных нами примерах оценивается не первое, а второе ‘Я’ субъекта.

Что же касается воздействия второй ипостаси личности на первую, оно выражается в русском языке иными средствами. При этом рефлексия осуществляется опять-таки с позиций первой ипостаси, но эта ипостась выступает здесь не в роли «агенс», а в роли «пациенс», или «адресат», и обозначается возвратным местоимением в винительном или дательном падеже в функции прямого либо косвенного дополнения (*мне, меня* и т. п.). Вторая ипостась выступает в роли «агенс» и обычно выражается нуль-подлежащим при глаголе в форме 3-го лица ед. числа (в прошедшем времени – среднего рода). Это говорит о том, что вторая ипостась в подобных случаях трактуется не как ‘Я’, а скорее как фрейдовское ‘Оно’ или ‘Сверх-Я’ (нечто, находящееся вне ‘Я’), то есть в обоих случаях как ‘не Я’.

Например, учитывая, что в русском языке подлежащее согласуется со сказуемым в роде, лице и числе, отметим, что в высказывании *Меня так и подмывало дать мерзавцу по морде* (**что** подмывало?) нуль-подлежа-

щее (среднего рода, 3-его лица, ед. числа), совсем как у Фрейда, подразумевает некое 'Оно', побуждающее 'Я' субъекта к действию. Ср. также:

Меня влекло (к кому-чему-либо).

Меня повело (куда-либо).

Меня коробит (от чего-либо).

Мне претит (делать что-либо).

Меня зациклило / заклинило (на чем-либо).

Меня тянет (куда-либо / к кому-чему-либо / на что-либо) и т. п.

При этом в одних случаях явно имеется в виду подстрекательство со стороны 'Оно' (*Меня тянет / подмывает*), а в других – запреты со стороны 'Сверх-Я' (*Мне претит / Меня коробит*).

Бессознательный конституент личности выражается также следующими языковыми средствами:

– неопределённым местоимением *что-то* (*Что-то в душе подсказывало мне / предостерегало меня / заставило меня* и т. п.);

– устойчивыми речениями с мифологической образной основой, которая символизирует 'Оно' и 'Сверх-Я' (*бес меня попутал, черт меня дёрнул, Господь меня надоумил* и т.п.);

– идиоматическими оборотами *внутренний голос, нутром чуют, из глубины души* и др.;

– конструкциями, в которых субъект ментального состояния представлен не как субъект, а как объект / адресат воздействия (идущего, однако, не извне, а изнутри): *Меня охватило отчаяние* вместо *Я отчаялся*; *Меня осенила идея* вместо ненормативного **Я придумал идею* (идеи обычно *появляются, возникают, рождаются, приходят на ум* произвольно); *Мне вспомнилось* вместо *Я вспомнил* и даже *Мне подумалось* вместо *Я подумал* (ср.: англ. устар. *methinks* (букв. «мне думается»)).

Перечисленными средствами подчёркивается независимость названных ментальных состояний от сознательного 'Я' субъекта, а значит, наличие в психике, помимо сознания, чего-то ещё, влияющего на сознание.

Примеры, приведённые в нашей работе, демонстрируют лишь небольшой фрагмент наивно-психологических знаний, зафиксированных в культуре и языке. Они широко используются в житейской практике и, по видимому, служат одним из источников возникновения научно-психологических идей.

Согласно одному из фундаментальных положений аналитической философии (см., например, «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна [2]), анализ обыденного языка плодотворен для разработки теоретической картины мира. На этом основании мы полагаем, что дальнейшее исследование культурных и языковых форм, отражающих наивно-психологический опыт народа, может способствовать развитию психологической теории. Кроме того, такое исследование имеет и лингвокогнитивное, и лингвокультурологическое значение: оно способствует выявлению языковых механизмов, с помощью которых знания о мире и человеке, накопленные в процессе культурно-исторического развития, фиксируются и передаются из поколения в поколение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Берн Э. Трансактный анализ / пер. с англ. М.: Академический проект, 2004. 192 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 352 с.
3. Зимбардо Ф. Застенчивость / пер. с англ. М.: Педагогика, 1991. 208 с.
4. Кляйн М. Эдипов комплекс / пер. с нем. // М. Кляйн. Избранные труды. В 7 томах. Том 5. М.: ERGO, 2007.
5. Фрейд З. Я и Оно: Труды разных лет / пер. с нем. В 2-х кн. Тбилиси: Мерани, 1991.